Бунт татар-мусульман в 1798 г.

несостоявшийся факт или вымысел?

Социальные потрясения неизменно вносили в привычное течение жизни российского общества своеобразное оживление, выводили из дремы его верхи и низы, взбадривали и заставляли мобилизоваться административно-управленческие структуры, вынуждая их эффективнее функционировать, в конечном итоге неизменно обусловливали если уж не изменение характера внутриполитического курса, то хотя бы корректировку методов его проведения.

Властные структуры, однажды столкнувшиеся с антиправительственными выступлениями населения, склонны были видеть в любом известии об ожидаемом, готовящемся «бунте» угрозу, против которой следовало немедленно принять меры. Это вытекает из самой природы и логики существования государства, иначе и быть не могло. Поэтому, обнаруживая в архивах свидетельствующие о подобных случаях документы, не колеблясь, мы принимаем зафиксированные в них сведения за факт, состоявшийся или своевременно пресеченный. Нам просто не приходит в голову усомниться в его достоверности, мы не задумываемся о том, действительно ли данный факт имел место.

Как правило, нас больше интересует достоверность рукописи, самого источника. Мы часто забываем один из бесспорных постулатов источниковедения о недопустимости слепого следования источнику, привлечения к исследованию без критического анализа его текс-

та и поиска параллельных свидетельств о том или ином явлении, событии, факте в других источниковых материалах. Кроме того, служебное рвение, желание отличиться, карьеризм, страх, месть, демонстрацию преданности и другие свойства человеческой природы при анализе документального материала учитывать принято не всегда, если только речь не идет о каком-либо историческом деятеле. Как будто бы в прошлом лица, причастные к возникновению дошедших до нас письменных свидетельств, обладали исключительной добропорядочностью и оказавшиеся зафиксированными явления базировались на абсолютно достоверных сведениях.

Вспомнить об этом нас заставили документальные материалы, составившие целое «дело» о готовящемся антиправительственном бунте. Переполох в административных кругах Казанской и Оренбургской губерний, затем в Правительствующем Сенате, Военной коллегии, их канцеляриях, беспокойство самой императрицы в 1748 г., особенно в феврале-июне, вызвали анонимные («подметные») письма, представленные 9 февраля отмеченного года в Казанскую губернскую канцелярию одновременно двумя должностными лицами[1]. Письма были вложены в адресованные на имя этих служащих запечатанные пакеты: на красном сургуче был сделан оттиск монетой с изображением орла.

Первый пакет был передан секретарю канцелярии Михаилу Григорьевичу Полянскому новокрещеном Федором Петровым, который якобы вырвал его из рук татарина, сопровождавшего некоего Ермака Усеинова из д. Корсы Арской дороги, приезжавшего к указанному чиновнику «для своих нужд»*. М. Г. Полянский распечатал пакет при свидетеле — гостившем у него казанском купце Андрее Тихоновиче Пушникове.

Второй пакет был передан казанскому полицмейстеру подполковнику Александру Алексеевичу Маматову отставным капралом Лукой Осиповичем Гневышевым, подобравшим его после ухода подходившей к нему группы школьников из Казанской гарнизонной школы[2].

Анонимные письма, носившие характер предупреждения, были идентичными по содержанию и начертаны на четвертинке листа, не имели адресата, но содержали указание на факт составления и присылки из Москвы. Как выяснилось в ходе проверки, оба письма были выполнены одним почерком, а адресат на пакетах указан другим лицом. В обоих письмах излагались пророческие предсказания бывшей казанской царицы Сююмбике, оплакивавшей 3 октября 1552 г. взятие Казани войсками Ивана Грозного. Царица якобы заявила, что через каждые 39 лет будет иметь место битва за город и по прошествии девятнадцати 39-летних циклов он (город. — *Д. М.*) будет отвоеван. Аноним предупреждал, что прошло уже четыре цикла по 39 лет и время приближается к концу пятого цикла, наступающего в 7256 г. (1747/48) в момент мартовского новолуния. Поэтому будто бы татары, как в Татарской слободе, так и в уезде, целенаправленно и с воодушевлением готовятся к вооруженному выступлению. В связи с этим следует опасаться массовой поголовной резни русского населения непосредственно в самом городе в ночь с 3 на 4 марта, выпадающую с воскресенья на понедельник.

Неизвестный осведомитель подчеркивал, что все предыдущие попытки овладения Казанью начинались с действий (разорения) в уезде и в силу этого оказались обречены на неудачу. Вследствие этого в данном случае, мол, решено начать с расправы над городским населением «съ головы зачать» и тем самым избежать христианизации и неподъемного налогового бремени[3].

В письмах имеется также указание на то, что автор по происхождению является татарином, но крещенным, и

* В протоколах Сената говорится, что письмо было отобрано Ф. Петровым у незнакомого ему татарина Умера Амирова из д. Марансы, но это явная описка; имеется в виду д. Корсабаш Арской дороги Казанского уезда. У. Амиров же сказал, что он сам передал их новокрещену. В протоколе от 8 августа 1748 г. мы находим уточнение, что письмо было обнаружено У. Амировым, К. Бикметевым, К. Кимяковым. Их, как и отставного капрала Гневышева, спустя семь месяцев за недоказательством вины освободили, взяв расписку о неразглашении обстоятельств дела (см.: Сенатский архив (далее — СА). – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 292, 297, 379-380; РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342, л. 54-55 об.).

страх перед бывшими соплеменниками-единоверцами заставляет его скрывать свое имя. Усомниться в достоверности факта существования новокрещена, анонимно составившего или причастного к написанию писем, у нас оснований нет. Судя по отдельным утверждениям («по руски луче не могу толмачить») и в целом по тексту писем, их автор действительно знал татарский язык и народные легенды. Другое дело, что однозначно определить побудительный мотив его шага невозможно. Остается предполагать, что продиктован он был либо опасениями за собственную жизнь и имущество, либо гипертрофированной законопослушностью осведомителя, либо желанием отомстить какому-то конкретному лицу, в результате всего этого попадавшему в поле зрения административно-судебных органов. К тому же не будем забывать, что российское общество к середине XVIII столетия успело твердо усвоить, что за недоносительство о готовящемся государственном преступлении может последовать жестокое наказание*.

Именно данное обстоятельство заставило 9 февраля 1748 г. прапорщика казанского гарнизона Андрея Нестеровича Неелова предъявить в губернскую канцелярию коменданту Блохину доставленное ему пономарем Иваном Степановым письмо с завода купца** Петра Логинова, написанное 6 апреля[4]. В нем сообщалось о планировавшемся на «Масляную» неделю восстании татар в Закамье[5].

Учитывая, что государственным структурам пришлось в недавнем прошлом столкнуться с так называемым «башкирским» восстанием, развернувшимся в 1730-1735 гг., недавним восстанием ясачных татар в 1742-1744 гг., реакцию управленческих структур на данные «подметные письма» нетрудно предугадать. Справедливости ради отметим, что анонимные сообщения о бунтах были в рассматриваемое время далеко не редкостью[6].

Казанская губернская канцелярия сразу же отправила донесения о готовящемся бунте в Правительствующий Сенат и Военную коллегию, приложив к ним копии писем, предупредила промеморией о грозящей опасности Оренбургскую губернскую канцелярию и настойчиво попросила командировать в свое распоряжение половину Ревельского и Троицкого полков[7]. На это сообщение Сенат отреагировал указами от имени императрицы от 21 и 22 февраля 1748 г. (оригинальным и дубликатным), адресованными в первую очередь Казанской губернской канцелярии***, бригадиру Ивану Бардекевичу****, оренбургскому губернатору тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву. Так был запущен маховик государственной машины, весьма оперативно втянувший в делопроизводственный круговорот местные управленческие структуры Казани, Оренбурга, Уфы, Саранска, Ставрополя, Осы и ряда других городов*****.

Отмеченные указы предписывали местным властям в Казани срочно принять меры предосторожности, приличествующие случаю. Основной целью этих мер было выяснение того, насколько отвечают действительности сведения о готовящемся восстании, а в случае вспышки бунта — сведение его масштабов к минимуму, но еще лучше — быстрое пресечение, не дав распространиться.

Способы достижения намеченного

* Смертная казнь за недоносительство устанавливалась еще нормами Соборного уложения 1649 г. (см.: Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. Акты Земских соборов. – М., 1985. – С. 89; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1830. – Собрание 1. – Т. 8. – № 5528. – С. 261-264).

** В протоколах Сената: «посадского человека» (см.: СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 291 и сравни со с. 376).

*** Назначенный 5 июня 1741 г. губернатором Казани генерал-лейтенант Загряжский Артемий Григорьевич 11 апреля 1746 г. «по некоторому делу был отрешен» от занимаемой должности, и назначение нового губернатора затянулось. Исполняющим его обязанности был определен казанский комендант Блохин. И лишь 22-23 февраля 1748 г. из всех претендентов на пост губернатора был выбран действительный статский советник Греков Степан Тимофеевич (см.: СА. – СПб., 1895. – Т. 7 – С. 258, 269, 275, 278, 290, 299, 308, 311, 374, 376, 391, 405, 637).

**** В протоколах Сената: Бардукеевич, Бардекевич, Бардукеич (см.: СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 257, 258, 260, 274, 299, 375, 381, 382, 391, 392, 394, 398, 634, 702).

***** Достаточно сказать, что в 1748 г. после получения сообщения о готовящемся бунте Сенат с завидной частотой заслушивал донесения о восстании в Закамье: 17, 21, 23 февраля, 1, 3, 9, 14, 22, 28, 29 марта, 1, 7, 18, 26 апреля, 7, 10, 24 мая, 3, 27 июня, 15 июля, 5, 8, 11, 22 августа, 1, 6, 16, 29 сентября, 4 октября и т. д. (см.: СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 257-260, 263, 269-270, 273-275, 277-278, 290-294, 297-300, 302-304, 308-312, 315-316, 317, 318-320, 374-383, 390-392, 394, 398).

сводились к трем действиям. В первую очередь, надлежало направить в татарские поселения офицеров под видом сбора недоимок, рекрутов и лошадей за прошлые годы. Параллельно заслать тайных агентов для выведывания различных сведений о предстоящем бунте и, в особенности, о настроении населения и зачинщиках, т. е. собрать информацию, необходимую для принятия единственно верных, адекватных и результативных решений. Затем произвести обыски в домах у обывателей в слободах Казани и окрестных деревнях с целью выявления огнестрельного оружия и изъятия обнаруженного вооружения и боеприпасов. Наконец, в Казани опубликовать объявление об обнаружении писем, подкинутых в адресованных М. Г. Полянскому и А. А. Маматову пакетах, в котором предложить написавшему их лицу явиться в губернскую канцелярию, естественно, «без всякого опасения и боязни» и за приличное вознаграждение — 500 рублей. При этом следовало воздержаться от изложения содержания писем, дабы напрасно не будоражить общественное спокойствие, а обещанные деньги положить в фонарь на площади. Если аноним объявится, то не только передать их, но и заинтересовать его возможной дополнительной наградой и «довольною милостью» императрицы за предоставление исчерпывающей и точной информации о времени зарождения намерений о бунте среди татар и главных его зачинщиках[8]. Но он не явился. Деньги пролежали со 2 марта по 2 апреля и были взяты в губернскую канцелярию[9]. Не означало ли это, что автор-составитель не явился потому, что прекрасно знал о ложном характере сообщенных им известий?

В числе мер предосторожности наиболее масштабной и требующей значительных материальных затрат, безусловно, стала организация возможного вооруженного противостояния бунту, обеспечение готовности к надлежащему отпору и подавлению антиправительственного выступления армейскими частями. Правительственные структуры поддержали требование-просьбу Казанской губернской канцелярии и приняли решение, отраженное в указах из Военной коллегии, о стягивании поближе к Казанскому уезду войск, находившихся, в частности, под командованием оренбургского губернатора, занимавшегося в то время строительством крепостей и укрепленных линий в Оренбургском крае. Тайному советнику И. И. Неплюеву, согласно упомянутой просьбе, надлежало предоставить из числа подчиненного ему воинского контингента в распоряжение Казанской губернской канцелярии часть рот Троицкого и Ревельского полевых драгунских полков. Троицкий полк находился на винтерквартирах на границе с Уфимским уездом, а Ревельский состоял в ведомстве ставропольского коменданта полковника Останкова[10].

За неимением в Казанском гарнизоне солдат было решено передать в распоряжение губернской канцелярии команду под руководством подполковника Горина, производившую в Казани расследование участия населения в антиправительственных выступлениях в 1730-х гг. Кроме того, незамедлительно отправить в Казань занимавшиеся под началом фон Генинберга* в Саранске «сыскомъ воровъ и разбойниковъ» три роты, выделенные из состава Ростовского, Азовского и Вятского драгунских полков[11]. Эти роты к 3 марта 1748 г. уже были размещены в Татарской слободе города Казани. В той части уезда, которая располагалась в Предкамье, были расквартированы неполные три роты (369 человек) Троицкого и две роты (200 человек) Ревельского полков[12].

Одновременно были отправлены нарочные в Азовский, Ростовский и Вятский полки с требованием двигаться к Казани. Однако отсутствие причин для беспокойства в городе и округе, спокойный характер социально-политической обстановки позволили распорядиться о том, чтобы полки воздержались от дальнейшего продвижения в регион, остановились в пунктах, где их застанет нарочный, и находились в полной готовности к передислокации в район Казанского уезда. Казанский гарнизонный драгунский полк, располагавшийся на винтер-

* В протоколах Сената: «Гениберга».

квартирах в Уфимской провинции, был извещен о необходимости пребывания в готовности к выступлению-походу. В случае возникновения дополнительной нужды в профессиональных военных людях разрешено было привлечь к охранно-сторожевым и карательным действиям против бунтовщиков еще и Московский армейский драгунский полк[13].

Судя по донесениям, местные власти очень оперативно отреагировали на побуждающие к срочным действиям указы из Сената и распоряжения Военной коллегии, вошли в контакт друг с другом и согласованно подготовились «задушить в зародыше» возможный антиправительственный бунт мусульман. В районах предполагаемых выступлений коренного местного населения были сосредоточены довольно существенные воинские силы. Словом, система местной власти продемонстрировала свою эффективность на деле. Между тем первоначальные следственно-розыскные мероприятия показали, что обстановка как в самой Казани, так и в округе остается благополучной и никаких известий о «замешаниях» в местах компактного проживания татарского населения в Казанской губернии выявлено не было. Спокойно было и в Оренбургской губернии[14].

В ходе реализации в обстановке строжайшей секретности программы по недопущению бунта в Казани и округе усилиями одного из офицеров ландмилицкого Шешминского полка — капитана Аверьяна Жданова — был обнаружен «настоящий», но потухший очаг социальной напряженности в Казанском уезде и задержаны «причастные» к подготовке бунта[15].

В ходе допросов с пристрастием первых шести задержанных (новокрещен из мордвы Лариона Федорова и Василия Дмитриева из д. Кузайкино и татар Беккула Бекеева, Фадея Минеева, Юнуса Декереева из д. Юнускиной и Медея Мемеева из д. Добромыш)* были получены ответы на вопросы о территории возможного распространения «бунта», о предполагаемых участниках и, конечно, названы причины, обусловившие нарастание социального напряжения и его разрядку.

Вырисовывалась такая картина. В восстании должно было принять участие татарское население закамских деревень, располагавшихся между Новошешминском, Заинском, Кичуевым и Мензелинском, их должны были поддержать татары всего Казанского уезда. Предполагалось, что, собравшись в д. Ибрайкино**, татары зимой 1748 г. пойдут «воевать Русь» и будут «рубить» русских, потому что с татар-мусульман взыскивают за новокрещен подушные деньги, рекрутов и лошадей. Подбивал народ на выступление сотник Измаил Любаев, неоднократно приезжавший в дом к Ф. Минееву[16].

Дополнительные свидетельства о готовящейся акции укрепили представителей власти в мысли о достоверности предыдущих сообщений, расширили в их умах ареал распространения бунта и послужили катализатором процесса расследования и приведения в готовность солдат. По раскрывшимся обстоятельствам были предприняты следующие меры: 1) для задержания И. Любаева и его «товарищей» направлены нарочные; 2) находящаяся в Предкамье часть Троицкого полка переведена в Закамье, воссоединена под командованием полковника Фроундорфа и размещена в татарских деревнях, а в ее квартиры устроена команда Ревельского полка; 3) на место Ревельского полка переведен с левобережья Волги Московский драгунский полк; 4) к Казани из-под Ставрополя срочно была вызвана остальная часть Ревельского полка и дано указание разместиться в 40 верстах от Казани***, между Ногайской и Зюрейской дорогами, в татарских же деревнях[17].

Между тем секретное следствие о готовившемся восстании продолжалось, круг «пущих возмутителей» на основании полученных от «согласников к бунту» показаний расширялся. 21 марта

* Дд. Кузайкино, Юнускино, Добромыш ныне входят в Альметьевский район Республики Татарстан.

** Д. Старое Ибрайкино ныне входит в Аксубаевский район Республики Татарстан.

*** В протоколе Сената от 28 марта 1748 г. указано, что полки были расположены в 60-70 верстах от Казани (см.: СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 290).

в Казанскую губернскую канцелярию были доставлены сотник И. Любаев и еще 14 человек. Признания «в возмущении к бунту» и согласии к участию в нем были получены. Казанская губернская канцелярия отрапортовала в Правительствующий Сенат донесением от 16 марта, что планировавшееся восстание татар-мусульман Казанского уезда, благодаря своевременно принятым мерам, не состоялось[18]. Оставалось определить наказание уличенным в подготовке бунта с учетом степени их вины.

Попробуем разобраться, действительно ли готовился бунт, какую он имел направленность, где именно должен был начаться, кто был инициатором и вдохновителем выступления?

В «подметных» письмах речь шла об антиправительственном бунте, который должен был состояться на третий день после мартовского новолуния в «ночь на чистой понедельникъ». В марте 1748 г. новолуние пришлось на 18 марта с 12 часов до 2 часов 9 минут с четверга на пятницу, действительно, спустя три дня наступала ночь на понедельник, т. е. ночь с 20 на 21 марта. Выступление, судя по уведомлению, должно было носить характер борьбы за национальную независимость («взять Казань за татары»). Начаться оно должно было «от Татарской слободы» в Казани. Предполагалось перебить всех русских вплоть до малых детей и далее то же самое произвести в уезде. Во втором письме уточнялось, что русские в Казани будут перебиты за три часа. В обоих письмах отмечалось, что «погублениемъ русскихъ избудутъ крещенья и несносного платежа подати».

В донесении оренбургского губернатора И. И. Неплюева от 14 февраля, полученном Военной коллегией 5 марта, отмечалось приведенное в подметных письмах извещение о том, что бунтовщики хотят «погубить» всех в Казани, а потом в уезде «по прошествии сырной недели на понеделникъ в первом часу»[19]. Если Пасха в 1748 г. приходилась на 10 апреля, то «неделя сыропустная» на 21 февраля, следовательно, в этом случае речь идет о ночи с 21 на 22 февраля. В письме к А. Н. Неелову говорилось о выступлении татар-мусульман в Закамье на Масленицу. Отсюда следует, что Казанская губернская канцелярия была оповещена о двух точках предполагаемой вспышки бунта — в самой Казани и в Закамье. О дате восстания в Казани представители власти указывали разные сведения: ночь на 22 февраля и ночь на 21 марта. В Закамье восстание якобы должно было произойти в ночь на 22 февраля.

Между тем в рапорте И. Бардекевича от 3 марта, доставленном в Военную коллегию 14 марта, говорилось о получении указа о принятии мер предосторожности в связи с ожидаемым бунтом и было отмечено, что «въ Казани и въ Казанской губерни обстоитъ, как и прежде, все благополучно, никакихъ замешаней в татарскихъ жителствахъ и поныне не слышно»[20].

Капитану А. Жданову каким-то образом удалось узнать, что новокрещенам из мордвы Л. Федорову и В. Дмитриеву приехавшие в их деревню Кузаево (Кузайкино) четверо татар Б. Бекеев, Ф. Минеев, Ю. Декереев из д. Юнускиной и М. Мемеев из д. Добромыш заявили в разговоре, что разоряются, выплачивая за новокрещен подати. Собеседники же парировали, мол, креститесь и платить не будете. Естественно, татары не могли остаться безмолвными и пугали мордву, мол, молитесь, чтобы вас не побили. А то, мол, служилые татары из д. Добромыш собираются «рубить»* новокрещенское село «Рожественское, Емаш то ж». Думается, что это была обычная бытовая перепалка, не исключено, что за столом[21].

Пообщались собеседники и расстались. И когда прибывший в регион капитан А. Жданов целенаправленно стал расспрашивать, возможно и с пристрастием, и просил вспомнить обо всех

* Разговор велся явно не на русском языке, а на татарском. При этом последующий перевод пересказанных угроз на русский язык был сделан дословно. Смеем предположить, что слово «рубить» было буквальным переводом татарских слов «яру» или «кису», употреблявшихся в нескольких значениях и не обязательно в смысле «истребить», «вырубить на корню». Мы полагаем, что имелось в виду не физическое истребление новокрещен, а избиение, наказание (см.: Русско-татарский словарь. – Казань, 1971. – С. 628; Русско-татарский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. – М., 1984. – С. 546).

фактах угроз, недовольства и всего, что могло свидетельствовать о предполагаемом выступлении татар-мусульман, то новокрещены Л. Федоров и В. Дмитриев и вспомнили… А 15 марта попавшие под подозрение татары-мусульмане и новокрещены из мордвы были доставлены в Казань к бригадиру Бардекевичу, руководившему проведением ревизии в губернии и параллельно осуществлявшему следствие по «секретному» делу.

После пыток Б. Бикеев признался, что он приезжал в новокрещенскую деревню по заданию служилого татарина Ф. Минеева для разведывания обстановки и выяснения наличия у обывателей-новокрещен ружей. Примечательно, что в донесении в Военную коллегию фиксировались ответы допрашиваемого в той последовательности, в какой задавались вопросы. Вслед за признанием Бикеева в том, что собирались всей деревней «вырубить» д. Кузайкино, следует: «Да сверхъ же того въ томъ же согласии были тое жъ ихъ Зюрейской и Нагайской дорогъ татара по званиямъ осмнатцеть деревень и все-де Казанского уезду татара»[22].

Если следовать логике изложения, то получается, что ту самую деревню Кузайкино татары собирались «вырубить» всем уездом. Но судя по последующему контексту, это предложение было ответом на вопрос, кто еще, кроме вас, хотел бунтовать. Круг деревень, вздумавших бунтовать, был, таким образом, очерчен. Это 18 деревень Зюрейской и Ногайской дорог, к которым должны были примкнуть татары всего уезда. Как видим, масштабы выступления разрастались на глазах. Далее уже уточнялось, где и как согласовывались предполагаемые совместные действия и кто был зачинщиком.

Б. Бикеев рассказал, что за рекой Шешмой, в степи, состоялся сход представителей тех самых неблагополучных деревень (от каждого поселения по два человека), что все задержанные вместе с ним татары ездили на этот сход, где пробыли около пяти дней. Трудно поверить в то, что на протяжении пяти дней обсуждался план действий. Этот сход, вероятно, был предпринят с иными целями, к тому же, видно, буза или бал оказались хорошей крепости. Как бы то ни было, его признательные показания стали основанием для «роспроса и розыска» Фадея Минеева «с товарищи»[23].

Ф. Минеев утверждения Б. Бикеева категорически отрицал и показал, что сотники и мирские люди ездили на мирской сход в д. Ибрайкино к татарину Якупу «для щету». Однако после повторного «сведения в застенок» всей группы арестованных уже никто не вспоминал про «щет», а стали признаваться в предполагаемом участии в бунте. Из их слов выходило, что жителей д. Юнускино подстрекал к выступлению сотник И. Любаев из д. Ерыклы*, который приезжал в их деревню трижды[24].

Первый раз приезжал вместе со своим племянником Зенкулом и с двумя представителями от каждой деревни своей сотни с агитацией. На мирском сходе И. Любаев якобы объявил о своем решении бунтовать и призвал примкнуть к нему: за три дня до Масленицы приехать в д. Ибрайкино для согласования действий. Второй раз приезжал после Масленицы, чтобы усовестить и «пожурить», поскольку татары из д. Юнускино, ввиду необходимости исполнения повинностей («за лашманскою работою»), его призывам не последовали и на сход не поехали. Он известил также о необходимости съехаться с ружьями через неделю в дом татарина Якупа Мустаева из д. Ибрайкино. В третий раз он посетил деревню, чтобы известить о невозможности вооруженного выступления, вследствие введения войск в селения региона. М. Мамеев добавил, что его односельчане Абдула Смаилов, Акберда Кудаев якобы ездили по призыву сотника И. Любаева в д. Ибрайкино на совет о бунте (они оба, впрочем, позднее отрицали этот факт).

Приезды сотника в деревню, безусловно, имели место, ибо он отвечал за боеспособность своей сотни, был обязан следить за сбором рекрутов, лошадей, к тому же шла ревизия, да и подушная подать собиралась не без его участия. Забегая вперед, отметим, что в подстре-

* Д. Ерыклы ныне входит в Новошешминский район Республики Татарстан.

кательстве к бунту он признался лишь в ходе четвертого допроса, после сведения в застенок («на виске» — дыбе). Упоминание о мирском сходе в доме у Я. Мустаева оказалось весьма выгодно следствию[25]. Наметился новый круг подозреваемых, последовали новые аресты. Ведь задание Сената должно было быть выполнено, подстрекателей и всех зачинщиков следовало найти. Нужно было обосновать и оправдать срочное стягивание в регион воинских частей, убедить высшие инстанции, что переполох учинен не зря. Доказательством результативности действий лиц, ведущих следствие, администрации могло стать обнаружение и обезвреживание государственных преступников.

В общей сложности к лицам, подозреваемым в подготовке бунта, было причислено 19 человек. К четверым названным уже заключенным татарам добавились сотник Измаил (Смаил) Любаев, Якуп Мустаев, Бектемир Мамяев, сотник Газей Мустаев, Давыд Уразметев, Мустафа Тюкаев, Муса (Мусей, Муся) Абрамов, сотник Асан (Асян) Сурметев, Надыр Аипов (Осипов), Рахманкул* Арсланов (Арасланов), чуваш Артюшка Алеев, абыз Усман Иманалеев (Аманалеев), Аблязя (Аблязей) Кадырметев, Абдул Смаилов и Акберда Кудаев.

Первым из второй очереди арестованных был допрошен И. Любаев. На первом допросе он отрицал предъявленные ему обвинения в подстрекательстве к бунту. Ожидаемого эффекта не дала и очная ставка с Ф. Минеевым «с товарищи»: он продолжал упорствовать. Но когда «для изыскания истины» он был сведен в застенок, то «на виске без розыску» показал, что «умысел» к бунту имел место за месяц до Масленицы (а это 14-15 января). Решение о том, что «пойдут на русских воевать» в случае взыскания с них (мусульман) подушной подати, рекрутов и лошадей за новокрещен было принято на собрании с участием приблизительно 20 человек в доме Я. Мустаева. Каждому сотнику следовало собрать к бунту татар своей сотни. Поэтому он ездил по деревням и призывал, чтобы татары были готовы к выступлению и «наряжали» ружья. Но произвести бунт не успели, ибо до них дошли слухи о найденных в Казани подметных письмах и введении в Татарскую слободу войск. Главными зачинщиками он назвал Якупа Мустаева, Рахманкула Арсланова и Газея Мустаева[26].

Точная дата восстания в экстракте о показаниях допрашиваемого не приведена. Тем не менее попытаемся определить по косвенным указаниям, к какому времени он мог это отнести. Бунт не состоялся из-за оповещения о введении войск в Татарскую слободу Казани. Указ о мерах предосторожности был получен в Казани 1 марта. 3 марта отписано в Военную коллегию, что распоряжение о размещении команды майора Генинберга в Татарской слободе сделано[27]. Если даже допустить, что команда разместилась в слободе уже 3 марта, известие об этом не могло дойти до Закамья на следующий день. Расстояние, составлявшее более 200 км, на лошади можно было проехать лишь почти за три дня. Поэтому начало предполагаемого бунта явно не может быть отнесено ко времени ранее 7 марта. Это укрепляет нас в правомерности предположения об отсутствии конкретного решения о точной дате восстания в Закамье, напрашивавшегося уже при обращении к материалам о допросах первой группы арестованных.

Офицер с соответствующей командой был направлен за группой татар во главе с сотником И. Любаевым 16 марта, и 21 марта они уже были доставлены в губернскую канцелярию. Показания И. Любаева не просто составили очередное звено доказательств о планировании мусульманами вооруженного выступления, но и стали вспомогательным средством для выбивания нужных показаний у других арестованных.

Примечательно, что в ответах арестованных о времени схода и начале бунта своеобразной точкой отсчета служит Масленица. На состоявшийся после Масленицы сход в степи указал Б. Бикеев. Ф. Минеев «с товарищи» го-

* В протоколах Сената: «Рахмункулъ» (см.: СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 303).

ворили о мирском сходе в д. Ибрайкино, имевшем место задолго до Масленицы. Последние сообщили о приезде в д. Юнускино И. Любаева за неделю до Масленицы, о приглашении прибыть за три дня до Масленицы для «согласия к бунту» в д. Ибрайкино, о повторном приезде в д. Юнускино сотника И. Любаева после Масленицы и его указании явиться в дом Якупа в д. Ибрайкино через неделю и т. д.[28]

Попытаемся вычислить исходя из слов участников схода Ф. Минеева «с товарищи», когда же предполагалось выступление. Масленица приходится на седмицу*, «сыропустную» или «сырную». Но это соответствие выдерживалось не везде: в некоторых регионах Масленицу в народе начинали праздновать с понедельника, а официально (гражданский счет) — с четверга предыдущей недели (сейчас ее начинают праздновать с субботы). Как было уже отмечено, Пасха в 1748 г. приходилась на 10 апреля, следовательно, «седмица сырная» соответствовала периоду с 14 по 21 февраля. Если прибавить еще неделю к Прощеному воскресенью, которым заканчивалась-провожалась Масленица, то получается, что бунт должен был начаться не ранее 29 февраля — 1 марта, ибо сход был намечен на 28 февраля.

Итак, в отношении времени начала бунта в трех письмах и показаниях первой группы арестованных указывались в общей сложности три даты: ночь с 20 на 21 марта и ночь с 21 на 22 февраля для Казани и приблизительно не ранее 29 февраля — 1 марта для Закамья. Исходной точкой бунта назывались Татарская слобода Казани, д. Юнускино, д. Ибрайкино, д. Ерыклы и 18 деревень Зюрейской и Ногайской дорог в Закамье. Объектом планируемых акций назывались то новокрещены, то русские. Действия восставших якобы должны были развернуться то в Казани, то в рамках уезда, то предполагалось «воевать Русь», т. е. действовать за границами поволжских уездов.

Вторая группа арестованных, в свою очередь, называла разные даты съезда к Я. Мустаеву, указывала разное количество съехавшихся на мирской сход в д. Ибрайкино представителей татарских деревень. Не совпадали показания о главных зачинщиках, о конкретных действиях (куда, против кого, когда и почему идти «войной»). Если сотник И. Любаев говорил об «умысле к бунту» на сходе с участием около 20 человек за месяц до Масленицы, зачинщиками называл Я. Мустаева, Р. Арсланова и Г. Мустаева (впоследствии первых двоих), то Я. Мустаев указывал, что собрание в его доме состоялось недели за две до Масленицы (впоследствии — за неделю до Масленицы), съехались из десяти деревень 13 человек. Причиной съезда он назвал, во-первых, потребность в ознакомлении с копией привезенного из Санкт-Петербурга (куда ездил «за мирским по выбору делом» просить о снятии с татар-мусульман положенных за новокрещен подушных денег) и поданного им в губернскую канцелярию в Казани указа из Правительствующего Сената, во-вторых, необходимость отчета в потраченных им на проезд в столицу деньгах. После признания под пытками факта подготовки вооруженного восстания к зачинщикам отнес Р. Арсланова и чуваша А. Алеева, позднее признался в оговоре А. Алеева и А. Сурметева[29].

Абдул Смаилов и Акберда Кудаев показали, что сотник И. Любаев приезжал к ним с призывом готовить ружья для выступления на новокрещен за неделю до Масленицы. Подавляющее большинство арестованных второй очереди приезд в д. Ибрайкино на сход отнесло ко времени за пять дней до Масленицы, количество участников определило как десять, лишь Г. Мустаев и Н. Осипов отметили, что было «человек с пятнатцать». А. Сурметев не помнил, когда он заезжал к Я. Мустаеву — до Масленицы или после, ибо приезжал для «высылки съ платежемъ за новокрещенъ подушныхъ денегъ», да и со многими татарами, находившимися в доме Я. Мустаева, знаком не был. Если Г. Мустаев уверенно указал, что хотели идти всем собранием разорять Казань (Аблязей Кадырметев свидетельствовал также о планировавшемся разорении

* В современном понимании — неделя.

Казани), то М. Тюкаев, отнесший к зачинщикам Я. Мустаева и Р. Арсланова, утверждал, что, мол, лишь они знают, куда идти воевать. Н. Осипов отметил, что главный «подстрекатель» Р. Арсланов якобы говорил, что сначала разорим уезд, а затем русских в Казани. Тогда как Я. Мустаев говорил, что не решили, когда и куда идти разорять. Абыз У. Иманалеев зачинщиком назвал Я. Мустаева, признавал факт состоявшегося сговора, но отгородился от возможного личного участия в бунте[30].

При всей разноречивости показаний в документах «дела» четко и неоднократно проводятся три мысли. Во-первых, о том, что татары-мусульмане собирались бунтовать, не желая платить за новокрещен подушную подать, поставлять рекрутов и лошадей. Во-вторых, о том, что восстание не состоялось вследствие боязни и страха перед введенными в регион войсками. Думается, это зафиксированное в документах столь явное единодушие стало отражением, с одной стороны, стремления представителей местной администрации и следователей отличиться, показать свою бдительность и расторопность, свою заслугу в недопущении акта социального неповиновения. С другой стороны, неоднократное фиксирование объяснения причин восстания свидетельствует о желании местной власти устрашить нехристиан, недовольных переложением на них подушной подати и повинностей новокрещен, о стремлении нейтрализовать и дискредитировать в глазах общественности самые социально активные элементы, в данном случае ходока, выбранного миром для извещения императрицы о несправедливом обложении и прошения соответствующего распоряжения о сложении с них платежей и повинностей за новокрещен.

В-третьих, все показания сходились еще в одном — в отрицании каких-либо переговоров и сговора о предстоящем возмущении с казанскими слободскими татарами, татарами и «башкирцами» Уфимского уезда, киргиз-кайсаками и другими степными народами и областями. Известия о готовящихся бунтах из других областей поступали довольно часто, другое дело, что при проверке они оказывались ложными. Скажем, по сообщению башкира М. Кузюмова и рекрута Заморева имело место расследование о подготовке бунта татарами и чувашами в Кунгурском уезде. Правда, было выяснено, что собрание в д. Енапаево состоялось с целью распределения подушной подати, а не с целью согласования действий по разорению кунгурских крестьян[31]. К тому же губернатор И. И. Неплюев объявил все обвинения против татар и чуваш необоснованными, а восстание невозможным в силу того, что в той самой Верх-Ирейской четверти уезда, где должно было развернуться восстание, находилась застава[32]. Наряду с этим в соседних с Казанским уездом регионах распространялись слухи о том, что за Казанью «батрыкъ, то де есть война». Отсюда столь единодушное размежевание проявлений социального недовольства в Казанском уезде с таковыми в соседнем Уфимском, Кунгурском и других уездах не указывает ли на то, что следователям не хотелось расширять территориальные рамки «пресеченного» восстания?

Характерно, что в ходе следствия был применен весь набор мер дознания того времени: «роспрос», очная ставка, застенок, «дыба» и «розыск». Все признания о причастности к бунту были получены не в результате «роспросов» и даже очных ставок, а после пребывания задержанных в застенке и после пыток. Арестованных допрашивали по отдельности, в случаях же расхождения показаний, как правило при отрицании намерений бунтовать, производились очные ставки с теми, кто уже признался в существовавшем сговоре, снова отправляли в «застенок на виску», и противоречия в главном убирались. Заметим, что применительно к XVIII в. под очными ставками следует понимать не вид доказательства, а тот же допрос. Дело в том, что бесспорным доказательством истины считалось именно собственное признание. Средством получения доказательства-признания служила пытка. Правда, подвергнутый пытке огнем или кнутом на «виску» человек должен был подтвердить свои показания и без пыт-

ки. Если же он отказывался от выбитых пытками сведений, то, учитывая свидетельские показания, его подвергали повторной экзекуции. Число ударов на дыбе с каждым разом возрастало с 80 до 120, со 120 до 150. По закону полагалось прибегать к пытке троекратно, дав возможность испытуемому восстановиться физически. На практике повторяемость и частота экзекуций зависели от рвения следователей.

Допрашивали и пытали арестованных до тех пор, пока те не сознавались в подготовке бунта или не умирали*. Поскольку допрашивавшие явно требовали признания факта подготовки бунта и формулировали свои вопросы, отталкиваясь от уже прозвучавших признаний, то показания арестованных совпадали в главном, а в деталях между собой различались. В связи с этим обращает на себя внимание, во-первых, явное противоречие в показаниях о времени схода, во-вторых, едва ли татары-мусульмане хорошо разбирались в русской календарной системе и православных обрядах, чтобы столь активно оперировать в своих признаниях указаниями на переходящие церковные праздники.

Наибольшее количество раз пыткам был подвергнут Я. Мустаев, видно, он и физически был крепким человеком. Его неоднократно сажали в «застенок», шесть раз поднимали «на виску». Он давал требуемые показания, наговаривая на себя, а затем отказывался от прежних показаний, заявляя, что оговорил себя. Безусловно, испытуемый хорошо сознавал, что ему грозит смертная казнь или пожизненная каторга, пытался оправдаться, что говорил спьяну. И это, думается, и соответствовало истине. Съехавшиеся для прочтения привезенного им из столицы указа и «отчета в командировке», мягко говоря, были разочарованы отказом, и не исключено, что под воздействием градусов горячительного напитка Я. Мустаев действительно разгорячился и произнес, что, мол, «зачемъ онъ ездилъ въ Питербурхъ и милости никакой не сыскалъ и лутче-де за новокрещенъ имъ денегъ не давать, а станемъ-де бунтовать»[33]. Однако это был не призыв к восстанию, а проявление эмоций, своеобразная защитная реакция на отказ удовлетворить их просьбу, попытка компенсировать проигрыш[34]. Но в конце концов, не выдержав физического и морального давления, ибо были и «увещевания», после двухнедельного пребывания и нещадных пыток в тюрьме, 4 апреля пожелал «восприять веру греческого исповедания». Оговорил своего тестя Р. Арсланова и чуваша А. Алеева: якобы именно они «советывали» не платить за новокрещен подушных денег, не давать рекрутов и лошадей, а идти на русских войной[35].

Морально сломлен оказался еще один из обвиняемых — Надыр Осипов. Он также выразил «желание» принять христианство и указал, что Р. Арсланова выбрали главным руководителем планировавшегося бунта[36]. Не сразу признались в «умысле» к бунту Г. Мустаев и Б. Мамяев, не отрицавшие факт пребывания в доме Я. Мустаева.

Завидную крепость духа проявил Рахманкул Арсланов, не изменивший свои первоначальные показания даже после троекратной пытки. Но когда после пятикратной пытки в течение 10 дней Я. Мустаев признался-таки в призыве не платить за новокрещен, а подняться на бунт, Р. Арсланов был вынужден подтвердить в ходе очной ставки, что слышал слова о неплатеже, но о бунте и речи не было. И это явно было правдой. Но тем самым он продлил свои мучения. Поскольку большинство показало как на главного зачинщика именно на него, а он в этом не признавался, то в его отношении «розыски» надлежало продолжить**. Сенат же торопил и требовал указами от 31 марта, 18, 22, 26 апреля, чтобы следствие «къ окончанию приводимо было безъ продолжения и для того, ежели которые татары по показа-

* Случались отдельные исключения в отношении стариков. Так, из арестованных людей по делу о восстании в Закамье двоих — Д. Уразметева и М. Аврамова — хотя и свели в застенок, но из-за преклонного возраста и нездоровья розыску не подвергали (см.: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342, л. 197).

** Бригадир И. Бардекевич своим донесением от 7 апреля 1748 г. очень осторожно намекал, что, сломав упорство Р. Арсланова, сумеет доказать, что тот являлся «главным зачинщиком и возмутителем» (см.: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342, л. 197).

ниямъ еще не сысканы, оныхъ къ тому следствию немедленно сыскавъ, поступать во всем по посланнымъ же указамъ непременно»[37]. Напоминал, чтобы «для изыскания о томъ ихъ зломъ намерении самой истины, производить еще пытки и жечь огнемъ ежели более уже следовать будет не кемъ, то по силе […] указа, учиня изъ того следствия обстоятельный и краткий экстракты»[38] предложить меры наказания содержащимся под караулом виновным. В качестве неизменной составляющей приводилось предупреждение, чтобы «пущихъ къ тому злому намерению зачинщиковъ и ихъ согласниковъ накрепко распрашивать и пытать, однакожъ те пытки чинить с довольнымъ осмотрениемъ и накрепко наблюдать, чтобъ по тому делу никто безъ явной причины и доказательства напрасно пытанъ не былъ»[39]. Но в данном случае в виновности «закамских» татар-мусульман, благодаря бригадиру И. Бардекевичу, никто не сомневался.

Исходя из вышеизложенного, на вопрос о том, высказывалась ли в действительности идея о необходимости антиправительственного бунта, или все это явилось плодом воображения осведомителя, готовился ли вооруженный бунт, мы бы ответили следующим образом. Безусловно, недовольство проводившейся политикой правительства в обществе, в частности в мусульманской среде, имело место. Причиной тому — целая серия указов императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, ущемлявших права мусульманской части населения и защищавших интересы новокрещен. Напомним лишь о некоторых: указ о предохранении новокрещен от обид и разорений от 1 мая 1744 г., о недопустимости строительства мечетей в населенных пунктах совместного проживания крещеных и некрещеных от 22 июня 1744 г., о правилах для распределения в подушный оклад крещеных и некрещеных от 26 ноября 1745 г., о взыскании податей и повинностей за новокрещен с оставшихся иноверцев от 11 марта 1747 г. и т. д.[40]

16 декабря 1743 г. вышел указ о проведении второй ревизии[41], которая развернулась именно в 1744-1747 гг. Учет податного населения сопровождался пересмотром норм подушной подати в соответствии с упомянутыми указами, за новокрещен следовало поставлять еще рекрутов и лошадей.

Эти фискальные нововведения не вызывали, надо думать, особого воодушевления у мусульман, скорее, порождали обиду, стремление довести до сведения самых высших инстанций несправедливое отношение к ним местной администрации, ущемляющей их по своему усмотрению, желание добиться пересмотра. Неудивительно, что при встречах и на мировых сходах население обсуждало «ударявшую» по карману и животу ситуацию и ненавязчиво предлагаемые пути разрешения проблемы.

Недовольство прорывалось в общении с новокрещенами, приобретало форму коллективного обращения к императрице. Подтверждением сказанному служит направление Я. Мустаева с прошением от мусульман 18 деревень Казанского уезда в Санкт-Петербург*. Когда он вернулся, то представители тех самых деревень собрались в доме Я. Мустаева в д. Ибрайкино для того, чтобы узнать о результативности поездки и «принять» отчет об израсходованных им мирских деньгах. Примечательно, что показания подследственных о съезде «для щету», отмеченные в первых рапортах о ходе следствия, никак не комментировались, а затем и вовсе были забыты. Именно поэтому показания о цели схода, конечно, корректировались в зависимости от примененных средств и методов допроса и дознания не без помощи проводивших следствие по делу. Разноречивость же показаний о времени, точном месте вспышки бунта, направлении движения и общей направленности бунта, факт дачи признательных показаний лишь под неоднократными пытками — все это, на наш взгляд, служит аргументом сфабрикованности «дела», выдуманности факта подготовки восстания татарами-мусульманами в Закамье.

* Я. Мустаев был не единственным ходоком с подобной просьбой. Из Пермской провинции ездил К. Иштереков (см.: СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 316-317).

Следствие по секретному «закамскому делу» подходило к концу. 15 июля 1748 г. с нарочным унтер-офицером из Казанской губернской канцелярии было уже отправлено очередное донесение о результатах следствия по третьему письму, доставленному А. Н. Неелову пономарем И. Степановым. Но неожиданно получила продолжение история с бунтом в Казани. 26 июля на городском пустыре возвращавшийся ночью с рыбалки солдат казанского гарнизонного Свияжского полка Семен Смирнов нашел очередной (четвертый) запечатанный серой конверт. На нем значилось имя полицмейстера А. Маматова и помещено предупреждение о необходимости принятия мер в связи с ожидаемым в Казани большим пожаром. Внутри конверта имелся запечатанный серой же лист, на котором стояло имя И. Бардекевича с пометой прочитать вместе с начальником полиции и опасаться грядущего пожара. Сличение всех «подметных» писем показало, что это письмо было написано тем же почерком, что и представленные первые два, и адресат на конверте написан той же рукой, что и на конвертах первых писем. Аноним сообщал, что приезжие татары-бунтовщики из Казани сумели выехать после введения в Татарскую слободу войск, ибо на оз. Кабан и около слободы не был поставлен караул. Оружие и боеприпасы побросали в прорубь. Осенью, мол, они собираются «колоть» христиан, а для облегчения проведения операции поджечь большие дома в Казани[42].

Местная администрация сразу же прибегла к тем же чрезвычайным мерам, что и после предъявления в губернскую канцелярию первых двух «подметных» писем, в качестве заложников («аманатов») посадила в тюрьму знатных татар, но они оказались не причастны к появлению письма («по следствию они виновны не оказались»), развернула деятельность по выяснению имени составителя письма и отправила со срочным донесением от 27 июля в Сенат казанского коменданта полковника Блохина, как человека сведущего о ходе и обстоятельствах следствия по подброшенным ранее письмам и могущего внести ясность в случае возникновения у Сената вопросов по данному делу[43].

В изменившихся условиях Сенат донесение от 27 июля рассмотрел в первую очередь. На заседании от 5 августа было вынесено решение, по которому следовало вести секретно поиск написавшего это письмо, осуществить проверку слуха о том, что татары отрезали голову всем новокрещенам, освобожденным из тюрьмы, продолжить расследование о прежних письмах и, конечно, рапортовать «почасту» обо всем в Сенат. Самое любопытное заключалось в том, что по указу, направленному в губернскую канцелярию, это «подметное» письмо следовало публично сжечь. Вместе с тем казанскому губернатору был направлен «особливый» секретный указ, предписывающий тайно изготовить для сжигания точную копию письма со всеми удостоверяющими элементами на конверте, а подлинное хранить в глубокой тайне, не сообщая даже своим «товарищам» и приказным служителям. Впредь следовало поступать так со всеми подкинутыми письмами[44]. Это был хороший психологический ход, направленный на погашение интереса у общества к составлению анонимных писем. Мол, не придаем значения, даже если будете писать анонимки. Письмо во исполнение указов от 25 января 1715 г, 19 января 1718 г., 9 ноября 1724 г. при стечении народа 22 августа 1748 г. было сожжено[45].

На заседании 8 августа Правительствующий Сенат заслушал вышеупомянутое донесение от 15 июля. В нем говорилось, что несовершеннолетний (10-летний) Логин Логинов письмо прапорщику А. Н. Неелову написал «с позволения» матери Настасьи Васильевны, услышавшей от пономаря Ивана Степанова о готовящемся бунте. Степанов сначала отрицал, что такую информацию сообщил Логиновой, но после применения мер физического воздействия признался, что услышал о бунте от новокрещен Василия Кузьмина и Федора Павлова.

В. Кузьмин сослался на татарина Шихметя, якобы при свидетелях С. Павлове и Ф. Степанове просившего

продать копье. Свидетели-новокрещены заявили, что ничего не видели, ибо в момент прихода Шихметя вышли из избы. Ф. Павлов сослался на Максима Васильева и старосту Андрея Иванова, последний, в свою очередь, на татар Сеина и Кебяка Сеитовых. Вследствие допросов с пристрастием новокрещен В. Кузьмин и татары-мусульмане Сеин и Кебяк скончались. В конце концов следователи были вынуждены признать, что доказательств назревания бунта не выявлено, а имели место разговоры, навеянные выходом указа от 11 марта 1747 г. и опасениями новокрещен перед возможным «возмездием» мусульман[46]. Характерно, что вслед за этим в донесении было указано, что «злой къ бунту умыселъ кроме ихъ оказался и начинатели того зла и ихъ согласники изысканы» по «особливому следующемуся делу и показательству»[47]. Мол, это предупреждение Логинова о бунте оказалось беспочвенным, но мы нашли и обезвредили истинный очаг возможного восстания. Вместе с тем было отмечено, что благодаря этому письму в Казани были приняты меры предосторожности, услышав о которых татары не рискнули восстать. Последнее обстоятельство было принято во внимание при вынесении наказания жене и сыну купца Логинова, не поставивших официальные власти в известность о бунте, но за «неведение» и, соответственно, «за малолетство» они были освобождены. Пономаря И. Степанова за недонесение в официальные инстанции, и разглашение среди населения о бунте, и последующее «запирательство» в этом губернская канцелярия предлагала наказать кнутом, но Сенат решил освободить из-под стражи, зачтя за наказание пытки, которым его подвергли. Новокрещен Ф. Павлова, М. Васильева, А. Иванова высекли кнутом, жену и детей А. Иванова, его двоюродного брата К. Иванова за разглашение и необъявление о бунте — плетьми, ибо представители сильного пола «еще могут быть годны впредь въ рекруты». Новокрещены С. Павлов, Ф. Степанов, татарин Шихметь, капрал Гневышев, татары У. Амиров, К. Бикметев, К. Кимяков были освобождены без наказания. Отпущенные на свободу без наказания были обязаны дать расписку о неразглашении обстоятельств заключения и пребывания в тюрьме. Лица, признанные причастными к подготовке восстания, оставались в оковах и под крепким караулом до получения о них указа из Сената[48].

Усиленное расследование, развернувшееся после третьего подметного письма, привело к установлению, что все три анонимных письма возникли в новокрещенской среде. Из числа задержанных по подозрению в причастности к данному факту раздьякон Сергей Апкин рассказал, что новокрещен Павел Афанасьев поделился с ним перед Масленицей сведениями о том, что он вместе с новокрещеном Якупом (Яков Лукоянов) «приказали» архиерейскому подьячему Прибыловскому написать два письма, которые и подбросили в Казани. Апкин сообщил также, что Афанасьев решил скрыться, уехал из Казани в Санкт-Петербург, потом вернулся и сказал, «ныне 3 недели» тому назад*, что у него имеется третье «в той же силе» письмо и хочет подбросить в Казани же. Афанасьев эти показания Апкина не подтвердил даже после пытки и розыска, указав, что это сделали новокрещены Мосей Герасимов и Яков Лукоянов. Последний же сознался в том, что первое письмо подкинул он вместе с П. Афанасьевым, а второе — М. Герасимов. Но Герасимов свою причастность к письмам отрицал. Казанская губернская канцелярия просила разрешения приступить «к жесточайшим розыскам», не решаясь нарушить указы, требующие рассмотрения дел, в которых замешаны новокрещены, «по самой справедливости и розыски производить с осмотрениемъ, дабы ихъ темъ не озлобить и от веры христианской не отогнать»[49]. Сенат требуемое разрешение дал и распорядился, чтобы были приложены все усилия к поимке Прибыловского.

* Если слушание донесения в Сенате состоялось 11 августа 1748 г., значит, донесение было составлено не позднее 1-2 августа, а упомянутый разговор состоялся не позднее 10-11 июля (см.: СА. – Т. 7. – СПб., 1895. – С. 380).

Во втором донесении речь шла о расследовании новых секретных дел, сложившихся вследствие письменного доноса татарина Усмана Сарманаева из д. Менгер капитану Ревельского драгунского полка Листовскому на бывшего сотника Ермака Мамашева из д. Серды, сообщенного промеморией от 20 июля в губернскую канцелярию Бардекевичем. Первое дело касалось возможности сношений с башкирами по вопросу возможного похода на Россию, ибо сын сотника живет «в бегах» в Башкирии и тайно наведывается ежегодно к отцу. Второе дело — посылки Ермаком Мамашевым же татарина Калметя с письмами в Турцию. По делу были привлечены свидетели Ибрай Алеев и Мусалима, которые отрицали эти факты. У. Сарманаев под пыткой признался, что оговорил всех в отместку за ссору с Е. Мамашевым. Но Сенат не поверил в искренность его слов, хотя все обстоятельства дела указывали на невиновность привлеченных к ответственности. 22 августа он распорядился о продолжении «изыскания» истины через пытки. После троекратной пытки доносчик уточнил, что на сотника он затаил злобу и крупно с ним поссорился из-за того, что он «ловил его для отдачи в рекруты» в прошлом, а за неуплату некоторых мирских денег «бил палками» в позапрошлом году. У. Сарманаеву не помогло даже принятие православия (он стал Романом Михайловым). Сенат согласился с решением губернской канцелярии «казнить смертию» новоиспеченного христианина «на страх другим». Бывшего сотника за должностное преступление — за сокрытие факта побега Калметя — вместо предложенного казанскими властями наказания плетьми следовало длительное время содержать под стражей, а потом, как и всех остальных арестованных, освободить с подпиской о неразглашении обстоятельств «дела»[50].

В деле о подброшенных письмах появилось новое лицо — новокрещен Саин Аитов, или Алексей Федоров, который, по словам Я. Лукоянова, и дал им два письма. А. Федоров в этом не признался, а 23 сентября, явно не выдержав пыток, скончался. После соответствующего розыска Сергей Апкин сделал признание, что оговорил Прибыловского за то, что он его сына учил и «секалъ много». Сенат дал указание завершить, не затягивая, следствие между означенными новокрещенами П. Афанасьевым «с товарищи». Но дело не продвигалось, показания продолжали носить разноречивый характер. На собрании Сената от 4 октября было постановлено заслушать донесение об этом губернской канцелярии на собрании в присутствии всех членов Сената[51].

Как видим, порою желание отомстить другому или стремление переложить собственную вину за противоправное деяние на других оказывались сильнее истины. Явно не лучшим образом вели себя и представители местной власти, руководители судебно-следственных органов. Доказательством чему служит появление еще одного (четвертого) «подметного» письма, копия которого была приложена к донесению в Сенат от 27 июля 1748 г. Анонимка была адресована бригадиру И. Бардекевичу, в ней излагалось о взимании казанским губернатором С. Т. Грековым «с товарищами», секретарем М. Полянским взяток с татар при произведении следствия по делу о подготовке бунта. О бригадире не только не было сказано каких бы то ни было нелицеприятных слов, но он был назван даже «братом»[52].

Бардекевич организовал донос на губернатора С. Т. Грекова, но и сам не избежал той же участи. Сотник Ногайской дороги Дюсей Искендеров обратился в Казанскую губернскую канцелярию с донесением на капитана А. Жданова и бригадира И. Бардекевича, склонявших его дать ложные показания на Грекова «с товарищи»: на «присутствующихъ, на секретарей и прочихъ объ обидахъ и взяткахъ съ нихъ, татаръ, от рекрутскихъ и лошадиныхъ наборовъ и отъ подушнаго сбора, хотя и ничего не давали, неотменно показать»[53]. Весьма характерно также то, что сотник извещал о требовании Бардекевича склонить к этому человек шесть сотников с обещанием «имъ де беды въ томъ онъ, бригадиръ не доставить, а станетъ писать в Сенатъ и следовать де будетъ онъ, какъ

и о Загрязскомъ генерале следовалъ». Сенат отреагировал на данное донесение указом о расследовании сообщенных фактов и одновременно направил в Военную коллегию секретный указ, чтобы определенный к следствию человек обратил особое внимание на сведения о взяточничестве самого Бардекевича[54].

Однако Военная коллегия не нашла человека, которому можно было бы поручить расследование столь щекотливого дела, в котором были замешаны губернатор, другие гражданские правители и бригадир Бардекевич. Она предложила лишь кандидатуру помощника следователя в лице полковника Ревельского драгунского полка Игнатьева и пообещала в случае надобности обеспечить штаб- и обер-офицерами.

Наконец 16 сентября 1748 г. Сенат назначил руководителем следствия по данному делу действительного статского советника Петра Панкратьевича Суморокова, однако советник по болезни в Казань не поехал[55]. Вместо него к производству расследования был определен отставной бригадир Семен Раевский. Назначение он получил 29 сентября 1748 г., но, в свою очередь, также не поехал[56]. Больше года следствие по делу о злоупотреблении властью Бардекевичем никак не могло начаться. Наконец 18 сентября 1749 г. состоялась очередная замена назначенного к этому делу лица: следствие поручено было вести статскому советнику Ивану Бахметеву. Однако отправлять его также не спешили, ибо указание Сената о переписке изготовленного на имя Раевского секретного указа на имя вновь определенного И. Бахметева было дано лишь 13 декабря 1749 г.[57] Видно, очень уж не хотелось узнавать положение дел.

Исходя из последнего факта, можно не только высказать предположение о явной недружбе между губернатором Грековым и бригадиром Бардекевичем, но еще раз заключить, что наши наблюдения о выдуманности, сфабрикованности «дела» о несостоявшемся бунте татар-мусульман в Закамье небеспочвенны.

Рассмотренный сюжет истории нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением дополнительных источниковых материалов. Хотя, несомненно, мы можем надеяться на выявление лишь документов, несущих официальную версию факта и в силу этого в целях воссоздания объективной картины произошедшего требующих критического отношения к себе.

В настоящее же время мы располагаем донесениями официальных лиц в Сенат, экстрактами по следственному делу «о намерении казанскихъ татаръ къ бунту», отложившимися в Российском государственном военно-историческом архиве (ф. 20, оп. 1, д. 342, л. 25-197) и отражающими рассматриваемую проблему протоколами Сената, опубликованными в известном издании «Сенатский архив» в 1895 г. Вряд ли обнаружим когда-либо материалы, вышедшие из среды татар, обвиненных в подготовке бунта. Вместе с тем архивные материалы (в данном случае судебно-следственная документация) остаются слабоизвестными*. Протоколы Сената привлекались к исследованию затронутого нами вопроса Ф. Г. Ислаевым[58]. Заметим, что протоколы как форма фиксации содержания поступившего в учреждение документа и принятого по делу решения традиционны для XVIII столетия. Однако они являются дважды вторичными по отношению к факту, несущими информацию, являющуюся результатом переработки, обобщения в рамках донесений и экстрактов о ходе следствия. И уже по сему требуют тщательной источниковедческой разработки с привлечением дублетной информации.

* Тексты документов мы предложим вниманию читателей в следующем номере журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 54-57 об.
2. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 56-57 об.; Сенатский архив (далее — СА). – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 292.
3. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 55, 57 об.
4. СА. – СПб., 1895. – Т. 7 – С. 378.

5. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 63-63 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 291.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1830. – Собрание 1. – Т. 8. – № 5528. – С. 261-264; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 205, 227, 309, 388.
7. СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 257-258.
8. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 28-29 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7 – С. 274-275, 277.
9. СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 308.
10. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 64.
11. Там же, л. 25; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 257.
12. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 25-25 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 274.
13. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 65-65 об.
14. Там же, л. 25 об., 65 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 274.
15. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 121 об.-123 об.
16. Там же, л. 186-186 об.
17. Там же, л. 125 об.-127, 186 об.-187.
18. Там же, л. 122 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 291.
19. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 63.
20. Там же, л. 25-25 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 277, 291.
21. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 121 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 292.
22. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 122, 125 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 298.
23. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 186.
24. Там же, л. 186 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 298.
25. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 186; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 293.
26. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 187 об.
27. СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 290-291.
28. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 122, 122 об., 185 об., 186 об., 187, 187 об., 188 об.; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 292, 293, 298, 303.
29. РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 196 об.
30. Там же, л. 186 об.-197.
31. СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 316-317, 320, 389, 511-512, 563.
32. Там же. – С. 389.
33. См.: РГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 342.1, л. 187 об., 190, 191 об., 192, 192 об., 193 об., 194 и т. д.
34. Там же, л. 193.
35. Там же, л. 194-194 об.
36. Там же, л. 194 об.-195.
37. СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 304, 307, 311-312.
38. Там же. – С. 319.
39. Там же. – С. 304.
40. ПСЗ. – СПб., 1830. – Собрание 1. – Т. 12. – № 8929. – С. 89-96; № 8978. – С. 157-159; № 9230. – С. 480-483; № 9379. – С. 667-670.
41. ПСЗ. – СПб., 1830. – Собрание 1. – Т. 11. – № 8836. – С. 964-977.
42. СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 374-375.
43. Там же. – С. 375.
44. Там же. – С. 376.
45. ПСЗ. – СПб., 1830. – Собрание 1. – Т. 5. – № 2877. – С. 137-138; № 3149. – С. 531-532; Т. 7. – № 4585. – С. 359; СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 390.
46. СА. – СПб., 1895. – Т. 7. – С. 376-377.
47. Там же. – С. 377.
48. Там же. – С. 379-380.
49. Там же. – С. 381.
50. Там же. – С. 381, 382, 404-406.
51. Там же. – С. 404.
52. Там же. – С. 391.
53. Там же. – С. 391-392.
54. Там же. – С. 392, 394, 398, 634.
55. Там же. – С. 394.
56. Там же. – С. 398, 634, 662.
57. Там же. – С. 392, 394-395, 398, 634.
58. Ислаев Ф. Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. – Казань, 2001. – 220 с.; Он же. Ислам и православие в России: От конфронтации к терпимости. Век XVIII. – М., 2004. – 416 с.

Дина Мустафина,
кандидат исторических наук